

— Дааа!

Большие глазки сяо Суй-бао превратились в весёлые полумесяцы, он в восторге вскарабкался на своё особое местечко. Усевшись на скрещенные ноги брата и уютно устроившись в его тёплых объятиях, он чувствовал себя абсолютно счастливым. Мандарины — самые любимые, и гэгэ — тоже самый любимый. Есть любимые мандарины в объятиях любимого братика — от такого счастья он, словно маленькая золотая рыбка, виляющая хвостиком, пускал пузырьки радости.

Но, к сожалению, счастье длилось недолго. Ещё секунду назад малыш, болтая короткими ножками, с упоением уплетал мандарин, а в следующую — вдруг весь покраснел, сиюсь сдержаться.

— Надо пи-пи!

Он с трудом выбрался с коленей братика и, шлёпая ножками, бросился в ванную. Дело было крайне срочное.

— Подожди, Суй-бао! — Си Чжоу поспешно потянулся за маленькими тапочками у края коврика. — Не ходи босиком по полу!

Но маленькому комочку было уже не до этого. Не успел он сделать и пары шагов, как чьи-то руки подхватили его и подняли в воздух.

— Самолётик! — радостно закричал он, пролетая по воздуху прямо до ванной и приземляясь на ноги гэгэ. Си Чжоу встал позади сяо Вэнь Суя, придерживая его. Едва он стянул с него штанишки, как неудержимый поток вырвался наружу. Детский горшок в виде жёлтого утёнка

быстро наполнился на добрую треть. Видимо, он и впрямь терпел из последних сил. Хорошо, что успели! Вспоминая, сколько раз этот маленький проказник мочил ему штаны, Си Чжоу испытал даже некоторую гордость.

— Уточка кря-кря, птичка пи-пи! — Сяо Вэнь Суй, напевая стишок, запрокинул голову назад. — Гэгэ, Суй-бао не написал в штанишки, да?

— Да-да, Суй-бао такой молодец! — искренне похвалил Си Чжоу.

До детского сада нужно было научиться контролировать свои нужды. Сяо Вэнь Суй очень старался: всего за полгода он отказался от подгузников и успешно научился ходить на горшок самостоятельно, хотя иногда всё ещё не успевал добежать до своего маленького горшочка.

Если днём за ним присматривала няня, то ничего страшного не случалось. Но вечером, после школы, если дома был Си Чжоу, и малыш случайно мочил штанишки, он непременно прятался за своей кроваткой, уткнувшись носом в стенку и выходил только после того, как гэгэ хорошенько его поуготоваривает. Зато каждый успешный поход на горшок непременно сопровождался требованием награды.

— Хи-хи. Гэгэ сказал, что Суй-бао такой молодец!

Сяо Вэнь Суй повторил похвалу Си Чжоу и, виляя попкой, принялся сам натягивать штаны. Он тянул трусики и штанишки одновременно, и половина трусов застряла внутри. Но ему было не до мелочей. Он нетерпеливо спросил:

— А можно награду?

— Награду, конечно, можно.

Си Чжоу поднял уже довольно увесистый комочек и отнёс его обратно на коврик. Едва малыш коснулся пола, как его короткие ножки без остановки, вприпрыжку помчались к книжной полке. Штаны были надеты кое-как, и синий Гонщик из «Щенячьего патруля» криво торчал наружу. Си Чжоу не смог сдержать улыбки. Он подошёл, поправил застрявшую половинку трусов, прикрыл выглядывавший круглый пупок и разгладил штанишки.

Сяо Вэнь Суй, нахмурившись, сосредоточенно смотрел вперёд. Он перебирал одну книжку за другой, но никак не мог выбрать. Видя, как мечутся его маленькие ручки, Си Чжоу взял с верхней полки недавно купленную книгу.

— «Я люблю детский сад», эта пойдёт?

— Да-а-а. Хочу.

Выбор гэгэ всегда был идеальным. Малыш радостно обнял книгу и уже собирался сесть на стульчик, как вдруг склонил голову набок и, молча моргнув большими глазами, посмотрел на Си Чжоу. Даже без слов Си Чжоу знал, что творится в этой маленькой головке. Он снова сел на коврик, скрестив ноги. Малыш тут же просиял и снова устроился у него на коленях. Беззаботно вытянув ножки, сяо Вэнь Суй с важным видом положил на них книгу и, прислонившись спиной к гэгэ, приготовился слушать сказку. Это была самая любимая награда для сяо Суй-бао.

Большая рука обвила маленькую, и страница книги перевернулась. Одновременно с этим над ним раздался нежный, неторопливый голос юноши, похожий на нежный ветерок в тёплый весенний день.

— Сяо У сегодня плакал в туалете. «Я не хочу в детский сад!» — сказал он, потому что не хотел говорить: «Доброе утро» директору.

— Сяо Ай сегодня тоже плакала в своей постельке. «Я не хочу в детский сад!» — сказала она, потому что любит клубничные мармеладки, а ей дали персиковые.

— Сяо И сегодня тоже плакал, пока ел хлеб... Плакали все: Сяо У и сяо Ай, сяо И и сяо Хуэй, сяо Сю и сяо Мэй. Я не хочу в детский сад! А всё потому, что они не хотели расставаться со своими мамами.

Си Чжоу водил пальцем по строчкам, а маленькая ручка лежала сверху, повторяя его движения. Когда он дошёл до последней фразы на этой странице, сяо Суй-бао вдруг поднял голову и посмотрел на гэгэ сияющими глазами.

— Я не хочу в детский сад, потому что не хочу расставаться с гэгэ.

Юноша удивлённо замер, и его рука, готовая перевернуть страницу, застыла в воздухе. Трёхлетний комочек редко мог выдать такую длинную, да ещё и логически связанную фразу. Это было чистое подражание: он просто скопировал предложение из книги, по-своему изменив его.

Сяо Суй-бао сладко улыбнулся. Возможно, эта фраза была лишь инстинктивной имитацией, свойственной малышам в период обучения речи, и не несла в себе глубокого смысла. Но Си Чжоу всё равно растаял от этой улыбки, и на сердце стало так тепло и уютно, словно его окутали сахарной ватой.

— Когда ты пойдёшь в садик, это будет в то же время, когда гэгэ ходит в школу. Когда ты вечером вернёшься из садика, я тоже вернусь из школы, так что всё будет как сейчас, — терпеливо объяснил он. — Поэтому Суй-бао точно не будет бояться ходить в садик. Он будет намного храбрее всех этих деток из книжки, правда?

— А! Суй-бао самый храбрый! — Малыш выпятил грудь и показал пальчиком на мальчиков и девочек в книге. — Они непослушные. Гэгэ не нравятся непослушные детки.

Это было наивное заявление, из которого было ясно, что он не до конца понял слова Си Чжоу, но это было неважно. Важно было то, что все эти дети — непослушные, а он — самый послушный! Сяо Вэнь Суй, склонив голову, тыкал пальцем в книгу, а его пухленькие щёчки сзади казались такими круглыми и мягкими. Нежный пушок на них отливал тёплым, мягким светом, и хотелось немедленно ущипнуть и чмокнуть.

Си Чжоу вдруг понял, почему многие его одноклассники хотели, чтобы родители подарили им братика или сестрёнку. От такой милоты можно было растаять. Но чужие братья и сёстры всё равно были не такими замечательными, как у него. Юноша обнял маленький комочек и потёрся о его пухлую щёчку.

— Гэгэ любит только Суй-бао.

Сяо Вэнь Суй захихикал.

— Суй-бао тоже любит только гэгэ.

Как раз в этот момент в комнату, чтобы забрать тарелки, зашла Лян Шуи с улыбкой спросила:

— Любишь только гэгэ, а маму, значит, уже не любишь?

Столкнувшись с этим внезапным вопросом, терзающим душу, малыш оказался перед дилеммой.

— Маму люблю, но... — его большие глаза уставились на брата, проверяя, не расстроился ли тот.

— Но? — продолжала дразнить своего малыша Лян Шу.

Надо же, уже и союзы освоил. Видно недавнее чтение книжек принесло свои плоды. Малыш не смог выдать из себя вторую половину фразы, от волнения покраснел, отвернулся и зарылся лицом в грудь брата, с обиженной миной пробормотав:

— Мама плохая...

Лян Шу, смеясь, отошла, со вздохом подумав о том, что сыновья, вырастая, отдаляются от матери. Сяо Вэнь Суй всё так же прятался и не хотел поднимать голову. Си Чжоу взял его за плечики и поднял его горячее личико.

— Мама же просто шутит.

— Я расстроился.

В три года наступает период упрямства, и характер у малыша был не из лёгких. Он схватил книгу и уже собирался её укусить, как у него во рту оказался леденец.

— Тсс... — Си Чжоу приложил палец к губам, и малыш, радостно распахнув глаза, моргнул ресницами.

Через две секунды он решительно кивнул своей милой головкой, зажал леденец во рту и, невнятно промычав: «Поня-а-а-л», обеими ручками обнял брата за шею, удовлетворённо и нежно прижимаясь к нему.

— Тайком ем конфетку. И маме ни слова.

Лян Шу и Янь Юфан переглянулись и, покачав головами, тихо рассмеялись. А что тут поделаешь? Придётся закрыть на это глаза, сделав вид, будто ничего не видели. Вскоре снаружи снова послышался голос, читающий книгу.

— В детском саду собралось много-много детей, и все они громко плакали. Их крики были похожи на вой сирены. Родители без конца утешали своих детей. Воспитательница с длинными, как у принцессы, волосами стояла среди них, словно на маленьком острове.

— Так вот какой, оказывается, детский сад. Я крепко сжал мамину руку и тоже заплакал, только плакал я про себя, потому что не хотел, чтобы кто-то видел мои слёзы. Мама поговорила с воспитательницей, провела меня по группе, а потом помахала на прощание.

— Ой? А почему я заметил, как из уголка маминого глаза скатилась слезинка? Оказывается, маме тоже не нравится первый день...

— Почему мама плачет? — спросил сяо Вэнь Суй, посасывая леденец. Его нежный, по-детски мягкий голосок был полон любопытства.

Си Чжоу обнял его и, указав на маму в книжке, ответил:

— Потому что мама тоже очень любит своего малыша и не хочет с ним расставаться.

— О-о-о...

Малыш то ли понял, то ли нет, но от нежного голоса брата, который убаюкивал его, ему стало немного грустно. Он тихонько повторил:

— Мама тоже очень любит своего малыша.

Услышав это, Лян Шу почувствовала, как её сердце наполнилось нежностью. Последующие слова были уже не из книги. Должно быть, Си Чжоу, глядя на картинку, где мама прощалась с ребёнком в детском саду, придумал их на ходу. Янь Юфан, стоявшая рядом, посмотрела на Лян Шу, которую, казалось, охватили смешанные чувства, а затем перевела взгляд на своего сына.

Никто не знает сына лучше, чем его мать. Хотя времени, которое они проводили вместе, было крайне мало, видеозвонки несколько раз в неделю были её способом участвовать в его

взрослении. Си Чжоу с самого детства был очень послушным и понимающим ребёнком. Не считая первого года его жизни, Янь Юфан почти не занималась им и считала себя никудышной матерью.

Чтобы проводить с ним как можно больше времени, они с Си Чжиюанем договорились никогда не брать отпуск одновременно. Вместо этого они делили свои отпуска на части, удваивая таким образом количество дней и увеличивая частоту встреч. Но даже при этом, по сравнению с 365-ю днями в году, количество дней, проведённых вместе, было ничтожно мало.

Однако Си Чжоу никогда не жаловался. Он спокойно принимал каждое расставание, не бежал за родителями и почти никогда не плакал и не капризничал. Дело было не в холодности характера или недостатке любви. Янь Юфан видела, что ему было тяжело расставаться, и он очень хотел заплакать. Но этот совсем ещё маленький ребёнок заставлял себя сдерживаться.

В повседневной жизни и в учёбе сяо Си Чжоу тоже никогда не доставлял им хлопот. Здоровье дедушки и бабушки было слабым. Бабушка по материнской линии воспитывала его до восьми лет, но после того, как дедушка заболел, этот ребёнок, понимая, что ей приходится разрываться на два дома, сам предложил ей вернуться. Он даже утешал старших, когда те переживали и чувствовали себя виноватыми.

В тот год, когда Лян Шу была беременна Вэнь Суем, она предложила ему переехать к ним, чтобы за ним было кому присмотреть. Но сяо Си Чжоу, беспокоясь, что, делая уроки допоздна, он будет мешать тётке отдыхать, настоял на том, чтобы остаться дома, и полгода прожил один. Позже, когда малыш родился, он сам вызвался помогать, хлопоча и суетясь без устали. Обе женщины знали — так он выражал свою благодарность.

— Я и вправду перед ним в неоплатном долгу, — сказала Янь Юфан Лян Шу.

Раньше она думала, что сын не винит её потому, что вначале был слишком мал, чтобы понять и выразить обиду. А потом, когда подрос, он просто привык. Не ожидая от них ничего, он не разочаровывался. Но сейчас Янь Юфан невольно восхищалась: её сын и вправду был человеком

с бездонно добрым сердцем. Он искренне сопереживал другим, был самостоятельным, мягким, скромным и заботливым — очень похожим на своего отца.

Вот только ему не хватало живости, или, вернее, свойственной юности непосредственности и задора. Кроме стрельбы из лука, ничто, казалось, не могло по-настоящему увлечь его. В этом он тоже пошёл в отца: уже в раннем возрасте определился с целью, а вне работы не имел никаких увлечений — жил, словно в стоячем болоте. Причём в таком идеальном болоте, в котором и было не к чему придраться, даже если хотелось сделать ему замечание, было непонятно, с чего начать.

Конечно, по словам Си Чжюаня, с тех пор как он встретил Янь Юфан, он сильно изменился. Например, он стал по своей инициативе ходить с ней в кино, героически борясь со сном, а после просмотра даже обсуждал, что понравилось, а что нет. Хотя из-за его сугубо мужского взгляда разговор часто не клеился, это всё же доказывало, что он смотрел внимательно, а не просто отсиживался для вида. Или, например, хоть он и считал, что домашняя еда полезнее, да и сам готовил отлично, он, чтобы порадовать жену, тратил силы на то, чтобы обойти все окрестные рестораны, исследуя их один за другим. Он находил заведения, сочетавшие в себе чистоту и отменный вкус, а потом специально выкраивал время в рабочем графике и вёз её туда на машине, пусть даже и очень далеко. Упрямый? Глуповатый? Возможно. Но именно такие поступки согревали сердце.

— Что-то я не заметила в тебе перемен, — подшучивала иногда Янь Юфан.

А Си Чжюань простодушно отвечал:

— Они есть. Я-то знаю.

Если встреча с одним человеком может стать отправной точкой для изменений, то теперь они наметились и в Си Чжоу. Хотя ему было всего одиннадцать, он не только становился всё более ответственным в роли старшего брата, но и начал делиться с родителями тем, что считал интересным — помимо учёбы, конечно. Чаще всего это крутилось вокруг одной темы.

— Суй-бао исполнился месяц, он так поправился и стал таким милым, больше не похож на сморщенного старичка. Когда он ест молоко, он любит хмурить брови. Оказывается, сосать молоко — тяжёлая работа.

— Суй-бао проходил церемонию выбора пути, и представляете, он с первого раза схватил лук дедушки Вэня. Может, он тоже захочет научиться стрелять? Когда он сможет учиться, мне, наверное, будет уже почти восемнадцать. Он такой маленький.

— Суй-бао полтора года. Сегодня он научился говорить «гэгэ», всего на день позже, чем «мама». Немного горжусь. Я снова опередил дядю Вэня.

— Сегодня Суй-бао исполнилось два года. Я задержался после школы из-за одного мероприятия и опоздал, и из-за этого он перестал со мной разговаривать. Если посчитать, целых десять минут. Mam, я же в детстве не был таким обидчивым?..

Голос юноши, наполненный живым смехом, преодолевал тысячи гор и рек, чтобы донестись до далёкой чужой страны.

— Обидчивость как раз и доказывает, что ты ему нравишься. Если однажды Суй-бао вдруг заиграется на улице и не вернётся домой, ты, наверное, тоже разозлишься, верно?

— Пожалуй, что так. — Этот ответ, казалось, очень обрадовал Си Чжоу.

Любовь бывает разной — всеобъемлющей, бескорыстной или эгоистичной, но совсем не ревнивых людей не бывает. Просто не все ещё нашли то, что зацепит их по-настоящему.

Слушая смех сына в трубке, Янь Юфан почувствовала, как наконец-то с её души упал камень.

Она никогда не беспокоилась за Си Чжоу ни в чём, кроме одного: она боялась, что он слишком рано стал независимым, слишком рано повзрослел и утратил ту искренность и душевную простоту, что движет нами в погоне за счастьем. Но теперь всё было хорошо. Этот маленький счастливый росточек был посажен в его сердце. Он будет поливать его ответственностью и любовью, и тот даст плоды — самые чистые и безупречные человеческие чувства, которые восполнят всё, чего ему не хватало в прошлом, и непременно помогут ему стать ещё лучше. Янь Юфан чувствовала это всем сердцем: её сын проживёт очень счастливую, наполненную жизнь.

В конце концов, кто сможет устоять перед маленьким ангелом во плоти? Особенно когда этот маленький ангел обнимает твою ногу, поднимает к тебе заплаканное личико и умоляет остаться. Такая сцена способна в одно мгновение растопить даже железное сердце.

— Суй-бао, гэгэ сегодня обязательно нужно домой. Не капризничай, будь умницей, иди к маме на ручки. — После ужина Лян Шу попыталась мягко отцепить ручки своего сына от ноги Си Чжоу.

— Не хочу! Суй-бао будет спать с гэгэ! — он обнял того ещё крепче.

Мягкие уговоры не сработали, и мать перешла к логике:

— У гэгэ приехала мама, ему нужно сегодня поехать домой и побыть с мамой. Ты...

— Как только тётя приезжает, гэгэ уходит! Суй-бао ненавидит тётю! — во весь голос закричал малыш.

Услышав это, Лян Шу вспылила.

— Да что ж ты за ребёнок такой, почему ты не понимаешь!

— У-у-у... — глазки сяо Вэнь Суя наполнились слезами. Под внезапно строгим взглядом матери его губки скривились, и он разрыдался. Слезы, как оборвавшиеся нити бус, градом покатались вниз, быстро намочив слюнявчик с мишкой.

— А-Шу, не будь так строга с ребёнком. — Янь Юфан хотела его утешить, но Си Чжоу уже опередил её, наклонился и поднял сяо Вэнь Суя на руки.

— Суй-бао, не плачь. — Он взволнованно, с нежностью вытирал уголки его глаз, и, видя, как тот шмыгает покрасневшим носиком и роняет слезинки, Си Чжоу почувствовал, как его собственное сердце сжалось.

— Гэгэ, не уходи... У-у-у, не хочу, чтобы гэгэ уходил...

Малыш тихо всхлипнул и от этого разрыдался ещё сильнее. Его маленькие ручки крепко вцепились в одежду Си Чжоу, а мокрое личико зарылось ему в шею. Он сжался в комочек, повернувшись к маме спиной. Круглое улыбающееся личико на его кофточке подрагивало от всхлипов, словно тоже вот-вот заплачет.

Двое взрослых переглянулись. Янь Юфан стало немного смешно, но искреннее и сильное горе малыша заразило и её.

— Может, мне вернуться одной? Чжоу-Чжоу, ты оставайся, успокой Суй-бао.

— Как же так... — сказала Лян Шу. — Чем больше его балуешь, тем хуже характер, так нельзя.

Но тут вмешался Си Чжоу:

— Мам, подожди минутку.

Он взял малыша на руки и понёс в ванную. Подойдя к раковине, он привычно взял мягкий плед, лежавший рядом, и, постелив его на холодную фарфоровую столешницу, усадил на него маленького Вэнь Суя. Однажды утром, когда Си Чжоу умывался, в ванную вдруг вбежал сяо Суй-бао, притащил стульчик и, встав на цыпочки, стал за ним наблюдать. Си Чжоу, испугавшись, что тот упадёт, посадил его на столешницу раковины, одной рукой придерживая, а другой чистя зубы. С тех пор малыш усвоил: каждый раз он должен сидеть здесь, чтобы гэгэ умыл ему лицо, и чтобы смотреть, как тот умывается. Специально для этого Си Чжоу и принёс сюда плед, чтобы беречь попку малыша.

В свои одиннадцать лет юноша был уже метр шестьдесят ростом, так что сидевший на столешнице малыш оказывался как раз на уровне его лица. Си Чжоу взял маленькие ручки Суй-бао в свои, не давая тому тереть глаза.

— Ты стал совсем как белый зайчонок.

Услышав это, сяо Вэнь Суй на секунду перестал плакать. Его щёчки покраснелись, глазки тоже были красными — и вправду как у зайчика. Си Чжоу взял полотенце для лица, смочил его

в тёплой воде и принялся умывать малыша.

— Суй-бао, ты любишь маму?

— Люблю, — голосок у малыша был совсем осипшим. Слушать это было так больно.

Си Чжоу заставил себя придерживаться принципов и, пользуясь случаем, учил Суй-бао справляться с разочарованием и принимать то, что не все желания могут быть исполнены. Это тоже было частью подготовки к детскому саду.

— Если вечером ты будешь дома, а мамы не будет, ты будешь бояться? — медленно, тихим голосом спросил он.

— Не-а, у меня есть гэгэ! — Суй-бао обнял ручками шею Си Чжоу и потёрся о неё щекой.

Опять ластится. Си Чжоу невольно улыбнулся. Горячее личико было ещё мокрым от слёз и соплей, но он не отстранил его, позволив малышу обнимать и использовать себя как салфетку.

— Если мама и братик останутся с тобой на ночь, но выбрать можно будет только одного?

Маленькие ручки сжались крепче.

— Суй-бао хочет обоих!

— Нельзя, нужно выбрать одного, — произнёс он непреклонным тоном.

Суй-бао опустил голову и тихо пискнул. Опять этот дурацкий выбор! До этого мама его дразнила, теперь и братик дразнит. Он совсем не мог выбрать. Хнык-хнык, сейчас снова заплачет. Си Чжоу беспомощно погладил комочек по голове. Попытка уговоров провалилась. В этот момент в ванную вошла Лян Шу.

— Ты скучаешь по гэгэ, но и мама гэгэ тоже скучает по нему. И гэгэ тоже скучает по своей маме, точно так же, как Суй-бао скучает по своей маме.

Малыш повернул голову к Лян Шу и надул губки. Так запутано, так сложно. Суй-бао ничего не понял. Но через мгновение он поднял голову и, глядя на Си Чжоу влажными, полными слёз глазами, спросил:

— Гэгэ хочет поехать домой с тётёй?

На этот раз Си Чжоу кивнул.

— Да, хочу.

Малыш всхлипывал, но всё ещё не отпускал его. Впрочем, кажется, он начал понимать, в чём дело. Ни Лян Шу, ни Янь Юфан, стоявшая снаружи, не проронили ни слова. Это было время,

когда ребёнок должен был подумать и повзрослеть сам. Наконец, они услышали, как маленький Вэнь Суй тихо позвал:

— Гэгэ...

Сглотнув подступивший к горлу комок, он медленно разжал объятия и, убрав ручки, принялся тереть край своей кофточкой. Слезы одна за другой капали вниз.

— Суй-бао завтра... ещё увидит гэгэ?

Си Чжоу на мгновение замер, а потом, спустя секунду, понял.

— Ты боишься, что гэгэ больше не придёт?

Сяо Вэнь Суй, всхлипывая, еле заметно кивнул.

— Глупышка.

Си Чжоу остановил его, не дав дальше тереть одежду. Маленькие пальчики были влажными и липкими от слёз. Си Чжоу взял тёплое полотенце и принялся тщательно вытирать его ручки.

— Гэгэ придёт завтра рано утром. Завтра воскресенье, и у гэгэ будет целый день, чтобы провести его с Суй-бао.

— Чжоу-Чжоу... — не выдержала Лян Шу. Неужели этот ребёнок снова собирается за одну ночь сделать все уроки, только чтобы днём нянчиться с малышом?

Янь Юфан потянула её за рукав, давая знак выйти. Сяо Вэнь Суй уже перестал плакать и мягким голоском повторил:

— Рано утром?

— Да. Рано утром — значит, что завтра, как только Суй-бао проснётся, он сразу увидит гэгэ.

— Тогда... тогда я...

Малыш, казалось, так разволновался, что его речь не поспевала за мыслями. Он покраснел от напряжения и наконец выпалил:

— Я хочу проснуться прямо сейчас!

Си Чжоу не знал, смеяться ему или вздыхать. Он поправил на сяо Вэнь Суй измятую одежду и, взяв его ручки, аккуратно положил их перед ним.

— Суй-бао, будь умницей, — серьёзно сказал он. — Если не будешь спать, то не вырастешь. Пусть мама уложит тебя, а завтра гэгэ обязательно придёт пораньше, чтобы поиграть с тобой.

С этими словами он сцепил свой мизинец с мизинчиком малыша.

— Договорились?

Сяо Вэнь Суй опустил взгляд на их сцепленные пальчики, которые качались взад-вперёд. Его большие глаза снова засияли, словно звёзды. Казалось, это была самая быстрая на свете смена ливня ясной погодой. Внезапно он поднял голову и, прежде чем Си Чжоу успел среагировать, чмокнул его в щёку.

— Гэгэ и Суй-бао никогда-никогда не расстанутся.

Си Чжоу замер. Он тут же понял: это была фраза из той самой книжки, которую они сегодня читали. «Я люблю детский сад. Я смотрю, как папа и мама машут мне, но мне не страшно. Я смело иду в детский сад, потому что я знаю: папа, мама и я никогда-никогда не расстанемся».

На щеке остался влажный след от поцелуя с характерным для малышей молочным запахом. Рука Си Чжоу, всё ещё сцепленная мизинцем с пальчиком малыша, чуть сжалась. Он улыбнулся и кивнул.

— Да. Гэгэ и Суй-бао никогда не расстанутся.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12809/1130155>